

Маша Лукашкина

~

ПОЛУНДРА

На вопрос «Как тебя зовут?» Прохор бурчал что-то себе под нос, поэтому приходилось переспрашивать: «Как? Как ты сказал? „Плохо“?»

«Прохор, — повторял он, — Прохор». Если бы родители знали, что сын будет картавить, они дали бы ему другое имя...

Но беда была даже не в имени, а в том, что Прохору было скучно. Скучна была дорога до детского сада, куда его, полусонного, тащили за руку. Скучен тихий час, потому что, когда этот час наступал, спать ему уже не хотелось. Скучно было вечерами ждать, когда же наконец за ним придут...

И обидно Прохору было, что окружающие не разделяют этой скуки. «Ничего не успеваю», — жаловалась мама. Да и отцу, который возвращался домой затемно, не надоедало глядеть по телевизору футбол или чинить что-то в автомобиле.

С минутами, которые текли медленно и скучно, Прохор пытался справиться в одиночку. Как-то раз

мама, поставив ему во время болезни горчичники, завела будильник:

— Лежи, терпи. А как прозвенит, сразу зови меня.

Прохор полежал немного и принялся вертеть будильник в руках. На эту кнопочку нажал, тот винтик крутанул. Стрелочки на циферблате заволновались, забегали, обгоняя друг друга. Прохор крутил винтик то в одну, то в другую сторону, однако будильник не звонил и не звонил. Сломался?..

Как вернуть стрелки на место, Прохор не знал. Просто поставил непослушный ему механизм на пол и терпел, терпел жжение до тех пор, пока с кухни не пришла мама, удивленная, отчего это сын ее не зовет. И такой красной оказалась у него спина, что мама и ругать его за будильник не стала.

В марте Прохору исполнилось семь лет, и он с нетерпением стал ждать начала сентября. Ему казалось, что уж в школе начнется жизнь быстрая, захватывающая, как катание с американских горок. У-ух! — с горы. Э-эх! — в гору. Только успевай вскрикивать да по сторонам поглядывать.

Но и в школе оказалось тоскливо. Каждый день одно и то же. Та же парта, та же доска. Те же сорок минут, которые длились, длились и длились.

И снова Прохор развлекал себя он сам. Белые ягоды на кустах, что росли на школьном дворе, Прохор

обрывал и давил ногой. Ягоды издавали при этом сухой и отчетливый щелчок. И чем крупнее была ягода, тем этот щелчок был громче. Начав с нескольких ягодок, остановиться Прохор не смог. Обрывал очередную ягоду и давил. Обрывал и давил. Когда вся асфальтовая дорожка, вдоль которой росли кусты, покрылась скользкими ошметками раздавленных ягод, за воротник Прохора схватила чья-то бабушка. «Вот я тебя!» — кричала она, тряся Прохора, как грушу, насилиу он от нее отбился. В другой раз Прохор подошел к соседней, ожидающей сноса пятиэтажке и начал обстреливать ее камешками, метя в те окна, в которых еще сохранились стекла. И снова едва унес ноги от дворничихи.

А как трудно оказалось зимой вставать в школу... В синюю ветреную поземку выходить из дома... Эта вынужденная утренняя прогулка настолько не вдохновляла Прохора, что ему и засыпать-то не хотелось.

Однажды ночью он долго глядел на каток, что залили под окнами. Там без устали кружила чья-то крошечная фигурка. При свете звезд и нескольких окон, одна. Отрабатывала вращение, делала подсечку назад, прыгала перекидной. Падала, вставала, отряхивалась — и снова, разгоняясь, прыгала. Прохор посмотрел на фигурку в театральный бинокль

и увидел, что это девчонка, маленькая, как воробей, и такая же шустрая.

— Купи мне коньки, — попросил он на следующий день маму.

— Коньки? — удивилась та. — На нашем катке до ночи не протолкнуться. Лучше плавать учись. Давай в бассейн абонемент купим?

Проход только хмыкнул.

Первое же школьное лето оказалось таким же, каким оно было у Прохора и до школы, — дачным, под присмотром бабушки. Делать на участке было особо нечего, и Проход слонялся по улице.

Ходить мимо забора, вдоль которого бегала рыжая Полундра, он опасался: несмотря на несерьезные размеры, нрав у таксы был крутым, а голос — грозным. Помимо «трúсов», к которым она относила и Прохора, Полундре не нравились шагавшие по поселку с лестницей, с ведром или с каким другим инструментом. На подозрении у нее были люди бегущие или, наоборот, плетущиеся. Необыкновенную ярость вызывал у нее велосипед, который соорудил соседский Виталька. Представлял он собой обыкновенную доску с приколоченным к ней деревянным «рулем» и привязанными при помощи двух веревок колесами. Конструкция была примитивна, как дубина

первобытного человека, однако катила взад-вперед по улице, сопровождаемая весело орущей компанией. Полундра лаяла до хрипоты. Время от времени из окна кирпичного дома выглядывала старушка в очках. «Стыдно, Полундра, стыдно! — говорила она. — На детей лаешь. Куда это годится? Вот я тебя!»

«Дурная собака», — говорил Виталька, делая пугающее движение ногой в сторону оскаленной за забором морды. «Вот я тебя», — грозил он ей камнем. Полундра не унималась.

Когда Виталька ненадолго уехал, жизнь в поселке сделалась совсем пресной. И даже велосипед, от которого отвалилось, отвихляв, переднее колесо, чинить не стали. Без Витальки игра не клеилась. Так что единственным сколько-нибудь значащим событием для Прохора оставались встречи с Полундрой.

«Дурная собака», — говорил он, подражая Витальке. И рожи строил, и язык показывал. Полундра бросалась на забор, ошалев от такой наглости. Когда гнев ее достигал высшей точки, а голос хрип, Прохор, по-кошачьи щурясь, говорил «мяу». Мяя-у, мяя-у. Полундра умолкала, глядя на мальчика тяжелым взглядом. И тогда Прохор поворачивался и уходил.

Однако в тот день все вышло по-иному. Проходя мимо дома, где жила Полундра, мальчик заметил распахнутые ворота и серую «Ладу», из которой выгружал вещи хозяин дачи — дядя Слава. Прохор развернулся было, понимая, что развлечения не получится, и вдруг... замер на месте. Посреди улицы, без ошейника и без поводка, сидела Полундра и не отрываясь глядела на него. Собака размышляла недолго. В горле у нее заклокотало. Рванув с места, в два прыжка оказалась она возле мальчика. Тот в ужасе отмахнулся от нее ногой. Клац! — острый собачий клык вонзился ему в голень.

— А-а-а-а! — что есть сил закричал Прохор. — А-а-а!

— Полундра, ко мне! — раздался мужской, не терпящий возражений голос.

Прохор, утирая кулаком слезы, бросился к дому.

Там нашлось все необходимое, чтобы обработать ему рану: и перекись водорода, и йод, и стерильный бинт.

— А собака не бешеная? — испугалась вдруг бабушка. — Вот горе-то!

Отправились к соседям, прихватив вещественное доказательство — перевязанного и заплаканного мальчика.

Дядя Слава вышел к ним на улицу, притворив за собой калитку.

— Так уж ни с того ни с сего укусила? — с сомнением глянул он на Прохора. Прохор то ли опустил голову, то ли кивнул.

— Ни с того ни с сего, — уверенно сказала бабушка. — Вы уж примите меры.

Дядя Слава досадливо сплюнул. Через минуту он вернулся, держа на поводке присмирившую Полундру.

— Это кто сделал, кто? — ткнул он ее носом в повязку на ноге мальчика. Прохор в ужасе отпрянул. — Не бойся, больше не укусит, — успокоил его дядя Слава и принялся стегать распластавшуюся по земле собаку. — Будешь кусаться?.. Будешь?

Поводок со свистом рассекал воздух.

— Слава! — вынырнула из-за спины дяди Славы старушка в очках. — Всё! Хватит! Она уже старая, Слава!

— Не надо, Вячеслав Иванович! Ну не при ребенке же! — испугалась и Прохорова бабушка.

Возвращались домой молча.

Вечером, когда стали укладываться спать, бабушка подошла к внуку, нагнулась над ним, хотела поцеловать. Тот с головой нырнул под одеяло.

На следующее утро, взяв из холодильника вчерашнюю котлету, Прохор выскользнул из дома. Полундры у забора не оказалось. Крикнуть? Позвать?..

С тоской поглядев на серую «Ладу», Прохор поплелся обратно.

— Что у тебя в кармане? — пристала к нему бабушка. Вытащив из промасленного его кармана мятую, пахнущую чесноком котлету, она всплеснула руками. — Надо было за столом есть... Отстирывай теперь эти жирные пятна... Дурень!

— Сама дува! — выпалил Прохор. — Ставая, а дува! Ничего не понимаешь.

На глазах у бабушки выступили слезы.

— Крутишься тут целый день, обихаживаешь его, а он еще и хамит...

Прохор стащил с себя рубашку, взял кусок липкого мыла и стал застирывать пятна под рукомойником.

— погоди, я тебе тазик дам, — сказала вдруг бабушка.

Прошло еще несколько дней. Гараж, в котором прежде стояла серая «Лада», опустел. Возвратилась к забору, на свой наблюдательный пункт, и Полундра. Приметив мальчика, она сделала несколько неуверенных шагов — от забора.

— Полундва, — сказал Прохор, присаживаясь на корточки. — Полундва, ты ховошая собака. Пвости.

Несколько дней приходил он к забору, разговаривал с таксой. Та не лаяла, но глядела недовольно, будто ждала, когда же Прохор наконец уйдет.

— Она тебя фиг понимает, — сказал Прохору подошедший к нему сзади Виталька. — Полундра в Киеве родилась. Там не по-русски, там по-украински говорят.

Прохор обернулся к Витальке... Шутит?.. Вроде не похоже. Глаза не щурит, не усмехается...

— Скажи ей «здоровеньки булы», — посоветовал Виталька.

— Как? Как? — заволновался Прохор.

— Здоровеньки булы, — терпеливо повторил Виталька.

В следующий раз Прохор принес Полундре кусочек сахара. Бросил под калитку:

— На, Полундва.

Полундра походила вокруг, потом неожиданно проворно схватила кусочек и с хрустом разгрызла.

Прохор повеселел, прислонил к сетке калитки липкую от сахара ладошку. Полундра понюхала ее, лизнула. Потом потянулась носом к лицу мальчика... Кто сказал, что Полундра дурная? Два умных коричневых глаза внимательно глядели на него...

— Полундвочка...

На дорожке показалась старушка в очках.

— Помирились?.. Нет, ты все-таки руки к ней не тяни... Она собачка с характером, а заниматься ею некому. — Старушка вздохнула. — Внук вырос, о собаке забыл.

— А можно я с ней погуляю?

Старушка задумалась.

— Если только на поводке...

По улице Прохор не шел, а бежал. Собака тянула его в поле... И кто сказал, что она старая? Мускулы Полундры напряглись на спине, красиво играли, шерсть блестела...

— Здравеньки булы, — раздалось насмешливое. Прохор поднял голову. Виталька и с ним еще несколько пацанов.

— Здравеньки булы, здравеньки булы, — запрыгал кто-то.

Прохор крепче сжал в руке поводок. Он чувствовал дрожь, закипавшую в собаке. Полундра напряглась всем телом... Из пасти ее вырвался мощный собачий рык. И столько досадливого презрения было в нем, что смех оборвался.

— Полундра... — с уважением сказал кто-то. Пацаны расступились, пропуская Прохора.

Когда подошли к калитке, Полундра повернула голову к мальчику. «Вот мы и дома», — красноречиво говорил ее взгляд.

— А я уж беспокоилась, — призналась старушка в очках. — Да и бабушка твоя неизвестно что скажет...

— Все будет ховошо, — уверенно произнес Прохор.

Удивительно быстро пролетели оставшиеся до первого сентября дни.

— Ну, какие у вас летние впечатления? Что кому запомнилось? — встав перед заваленным цветами столом, спросила учительница. Среди нескольких поднятых рук ее удивила эта... Нефедов Прохор. Мальчик с трудным характером, не выговаривающий несколько букв, сейчас напоминал сурка, очнувшегося от долгой спячки.

— Да, Прохор, говори, — с интересом кивнула она ему.

— У меня собака, — коротко сообщил Прохор.